

Сборник избранных статей Анатолия Григорьевича Вишневого, изданный к восьмидесятилетию автора, – прекрасный подарок не только юбиляру. Он адресован даже не столько братьям по демографическим исследованиям, занятиям коими автор посвятил талант, вдохновение и саму жизнь, сколько широкой научной общественности, до которой А.Г. Вишневский в очередной раз пытается донести свои представления о развитии общества. Возможно, сейчас интеллектуальный климат стал для этого более благоприятным.

Главная мысль автора в том, что демографические факторы исторического процесса в огромной степени недооцениваются, слишком часто принимаются интерпретации, проникнутые экономическим детерминизмом. Это относится не только к простодушным представлениям о том, что рождаемость можно повысить экономическими мерами. Действительно можно, но лишь в незначительной мере. В нашей же стране введение материнского капитала привело к существенному росту рождаемости именно в тех регионах, где весьма желательна её снижение, т.е. просто отсрочило прохождение демографического перехода. Это касается самих взглядов на исторический прогресс.

Здесь, пожалуй, уместно напомнить, что свое понимание места переживаемых человечеством демографических изменений в общем историческом процессе А.Г. Вишневский впервые изложил в статье “Демографическая революция”, увидевшей свет более 40 лет назад именно в “Вопросах философии” (1973, № 2), и здесь же появилось еще несколько его выступлений на ту же тему (“Демографические процессы в СССР” – Вопросы философии, 1973, № 9); «Некоторые теоретические проблемы демографии. Выступление на “круглом столе” журнала “Вопросы философии”» (Вопросы философии, 1974, № 9); “Социальное управление рождаемостью” (Вопросы философии, 1978, № 6); “Демографические отношения и общество” (Вопросы философии, 1981, № 4)). Так что его недавняя, в определенном смысле, программная статья “Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*”, вошедшая в рецензируемый сборник, представляет собой закономерный этап движения автора к широкому социально-философскому осмыслению современной демографической реальности, начатого много лет назад на страницах философского журнала.

Численность человечества росла крайне медленно до конца XVIII в. и это даже позволило пастору И.-П. Зюсмилху (1707–1767), замеча-

тельному мыслителю и гуманисту, сформулировать представление о “божественном порядке”, регулирующем численность населения. Первый демограф был явно под впечатлением от равновесия рождаемости и смертности, которое обеспечивало стабильную численность населения. Ведь население могло бы и вымирать, и быстро расти, что при крайней скудости средств к существованию имело бы катастрофические последствия. Впрочем, когда Зюсмилх опубликовал свой труд “Наблюдения божественного порядка в изменениях человеческого рода, доказанного из рождения, смерти и размножения такового” (1741, 1761), этот естественный порядок доживал последние годы, или даже последние дни, как сказал А.Г. Вишневский в докладе «Конец “божественного порядка” или новый “божественный порядок”?» на своем юбилее.

Бурный рост населения, охвативший сначала Западную Европу и страны переселенческого капитализма, стал результатом резкого снижения смертности при сохранении высокой рождаемости. Прохождение демографического перехода в Европе, где рождаемость практически во всех странах снизилась до уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства (в Германии всю последнюю четверть XX в. население сокращалось), с лихвой перекрывалось высочайшими темпами роста населения в Африке и Азии. Однако нет серьёзных оснований сомневаться в демографическом переходе как универсальной закономерности, поэтому можно предположить, что смена режима воспроизводства населения (от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой рождаемости и низкой смертности) раньше или позже произойдет везде. Хотя численность человечества продолжает расти, темпы роста существенно снижаются в нашем столетии, и эта тенденция будет продолжаться.

“Характерным примером соответствия фактической динамики рождаемости предсказаниям теории демографического перехода может служить Ближний Восток, – пишет, в частности, А.Г. Вишневский. – Самый низкий в этой группе стран уровень рождаемости – в Ливане и Иране. Традиционного прокреативного поведения больше не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран, его последним прибежищем в мире остается Тропическая Африка, но и там оно едва ли долго удержится” (с. 105).

Феноменологическая теория роста численности человечества, разработанная С.П. Капицей (1928–2012) предсказывает стабилизацию численности человечества на уровне 11–12 млрд чел. во второй половине нынешнего столетия с последующим постепенным её снижением (*Ка-*

ница С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. 2-е изд. доп. и перераб. М., 2012). Эта теория воплотила идеи двух сподвижников её творца – С.П. Курдюмова (1928–2004) и А.Г. Вишневого. С.П. Курдюмов, признанный лидер синергетических исследований в нашей стране, способствовал выбору в качестве математического аппарата режима с обострением. Именно поэтому модель Капицы предсказывает постепенное снижение численности человечества, в то время как подавляющее большинство демографических прогнозов предсказывают её стабилизацию на том или ином уровне без последующего снижения.

А.Г. Вишневский оказал сильнейшее влияние на собственно демографические представления, лежащие в основе модели С.П. Капицы. Если население может сокращаться в отдельных странах, причём вполне благополучных, то почему оно не может сокращаться в мире в целом? Ретроспективный прогноз, выполненный на основе предложенной модели, даёт очень хорошее совпадение с эмпирическими данными, и это позволяет относиться с большим доверием к прогнозу на перспективу. Принцип демографического императива, лежащий в основе модели С.П. Капицы, – рост численности человечества никогда не определялся внешними факторами, а подчинялся внутренней закономерности – нисколько не противоречит теории демографического перехода. Разве самая высокая рождаемость наблюдается в самых зажиточных странах? Скорее, наоборот.

Между тем широкая философская интерпретация полученных результатов приводит к выводам не столько революционным, сколько контрреволюционным, во всяком случае, крайне неблагоприятным. Время бурного экономического роста, интенсивных социальных преобразований предстаёт теперь не как магистральный путь, на который, наконец, выбралось человечество после многовекового плутания в средневековой тьме, а как переходный период между долгим временем очень медленного роста численности человечества и долгим временем её постепенного снижения. Этот период подходит сейчас к концу. Отсюда опять из всех щелей вылезают то концепция “пределов роста”, т.е. нулевого роста, казалось бы, развенчанная ещё 40 лет назад, то концепция устойчивого развития, невозможного даже теоретически (*Бабурин В.Л.* Легенды и реалии устойчивого развития через призму географии // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4. С. 97–106).

Чисто идеологический характер концепции устойчивого развития был убедительно показан в книге двух французских профессоров-вольнодумцев (*Брюне А., Гишар Ж.-П.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую эко-

номику и международные отношения. М., 2012). Из этой же серии и последнее климатическое шоу в Париже, которому придаёт особую пикантность тот объективный научный факт, что с 1998 г. среднемировая температура вообще не растёт. Более того, некоторые весьма серьёзные модели предсказывают через 20–30 лет резкое похолодание, наподобие того, которое наблюдалось в Европе в конце XVII – начале XVIII вв. (*Колтаков Г.* Почему Европу ждут холода // ГАЗЕТА.ru, 01.12.2015 http://www.gazeta.ru/science/2015/12/01_a_7919243.shtml).

За последние четверть века мы уже имели возможность убедиться в том, что идеология играет по преимуществу служебную роль по отношению к геополитике. Соответственно и “устойчивое развитие”, и борьба с отсутствующим потеплением климата – это заблаговременное приспособление к будущей стабилизации численности человечества, которая, по мнению манипуляторов общественным сознанием, приведёт к прекращению экономического роста или, как минимум, существенному снижению его темпов, и так не очень высоких.

Есть ли тут реальные внешние ограничения? Рассуждения об исчерпании природных ресурсов едва ли достойны стать даже предметом критики в серьёзном научном журнале. Достаточно вспомнить, как в XIX в. боялись сначала исчерпания запасов древесины, потом угля. Но возможен ли бурный экономический рост в условиях стабилизации численности человечества? На первый взгляд, да. Ведь в эпоху Великих географических открытий население росло крайне медленно. Однако тогда население было молодым. Резкое снижение смертности приводит к его существенному старению. Что ждёт если не нынешнее поколение, то следующее: продолжение экспансии или переход к стационарности?

Переход к стационарности едва ли возможен для развивающихся стран, на что пронизательно указала В.Г. Федотова: “Проблема модернизации прошла ряд исторических трансформаций от целостного процесса трансформаций всего общества на Западе с начала Нового времени и построения первой либеральной современности XIX в.; через кризис к догоняющей модели модернизации незападных стран и второй организованной (социал-демократией, техникой, технократией и бюрократией) современности Запада 1920–1970 гг. Далее – постмодернизм как критика модернизма за его жесткие схемы и споры о дальнейшей возможности “проекта модерна”. Далее – внезапный проект 1990-х, ориентированный на первый либеральный модерн в одних посткоммунистических странах и модернизацию на этнооснове в других. По существу провал, но оставивший свои как негативные, так и “положительные” следы своего

рода “расчисткой места”, чтобы что-то строить. Начало третьего модерна в XXI в. – нового Нового времени для незападных стран, развитие которых подрывает многие представления об универсальности модернизации, заставляя обратиться к его особым чертам в каждой стране, а следовательно отказ от “линейной” (термин мне не представляется удачным), скорее догоняющей Запад модели модернизации” (Федотова В.Г. Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации // История модернизации как предмет социально-философского анализа. М., 2014. С. 31).

Между тем демографические перспективы России (а соответственно и геоэкономические как минимум) не внушают никакого оптимизма. А.Г. Вишневский призывает нас мужественно принять удар роковой судьбы: “Хотя в России, так же как в Европе или США, счёт так называемым “нелегальным мигрантам” идёт уже на миллионы, и их число с каждым годом увеличивается, всё ещё живы надежды на то, что приток мигрантов можно остановить, в крайнем случае, с помощью новой разновидности китайской стены – технического сооружения вдоль государственной границы или чего-то в этом роде. Скорее всего, эти надежды тщетны, и рано или поздно большинству развитых стран придётся искать новые стратегические подходы в области миграционной политики, действуя в соответствии с английской поговоркой: *what can't be cured must be endured* (Чего нельзя вылечить, то нужно вытерпеть). Не станет исключением и Россия” (с. 332).

Таким образом, безрадостны как долгосрочные, так и краткосрочные перспективы. По-

следние события в Западной Европе, включая резкое падение популярности А. Меркель в ФРГ и подлинный прорыв Национального фронта на региональных выборах во Франции, следует рассматривать как растущее сопротивление естественному ходу демографических событий. Это глупость или инстинкт самосохранения? Нам надо выбирать, образно говоря, между Вишневским и Поппером, решительно отвергавшим предопределённость хода истории. Да, глубокий кризис семьи как социального института – это глобальная тенденция. Уже нет смысла сопоставлять показатели брачности и рождаемости, поскольку в передовых странах, будь то Франция или Норвегия, большинство детей рождается вне брака. Это наблюдается даже в цивилизационно близкой нам Болгарии. Однако в Японии и Южной Корее соответствующий показатель составляет всего 2%, в православной Греции 7%. Возможны варианты?

Трудно об этом судить, да и поиск ответа уведёт нас далеко за пределы демографии. Но мы в любом случае должны быть очень признательны А.Г. Вишневскому за интереснейший фактический материал, постановку проблем и глубокие размышления о путях их решения. Он сделал для нас очень много. Теперь нам самим надо идти дальше.

В.А. Шупер

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

Viacheslav A. Shuper – DSc in Geography, professor, leading researcher in the Institute of Geography of the Russia's Academy of Sciences. vshuper@yandex.ru

В.Л. КУРАБЦЕВ. Платон: агатофилософия. М.: ПРОСПЕКТ, 2016. 160 с.

Монография В.Л. Курабцева представляет собой несомненное достижение отечественного историко-философского платоноведения. Автор отважился на свое исследование “вырванных” у феноменов смыслов и ценностей метафизики Платона в надежде *самостоятельно, в новое историческое время России и мира* обнаружить открытия и противоречия этой великой и вечно востребованной философии.

Вероятно, пришло время снова “вразумлять” человека и общество, теперь уже нашей эпохи. Об этом говорит и предпринятая автором попытка объяснения сущностной переклички платонизма и христианства, а также платонизма и русского национального мировоззрения.

Социологи фиксируют значительный рост людей, связывающих свою жизнь так или иначе с Православием и церковью. Возрастает авторитет России и Русской цивилизации. А в монографии как раз и наблюдается постоянное сопоставление идей и ценностей Платона с аксиологией христианства, с идеями Святых Отцов. Книга настолько сконцентрирована на этой проблематике, что напрашивается ее характеристика как православно-философской работы, исходящей из наследия Платона. Что, конечно, оправданно: основная концепция Платона глубинно перекликается с вероучением христианской церкви. У Платона это добро и добродетель, но прежде всего это Идея Блага и борьба за Благо, даже, возможно, потаенно – за Бога Единого.